

— Я всего лишь слышал о разных историях, разве это можно назвать учёностью? — Дуань Минчэнь сделал паузу и продолжил. — Мысль о государственных экзаменах меня посещала. Но, во-первых, у меня больше склонности к боевым искусствам, а во-вторых, даже если бы я сдал экзамены и попал в Академию Ханьлинь, пришлось бы годами наработать стаж и лишь к старости получить шанс стать чиновником, служить стране и помогать народу. А в военном деле иначе: даже будучи молодым, если есть способности, можешь взять на себя ответственность. Неважно, высокий пост или низкий — всегда есть возможность послужить отечеству и реализовать свои устремления.

Гу Хуайцин подумал, что это правда. В нынешнем правительстве, например, пять великих секретарей, и самый младший из них уже за сорок. А Дуань Минчэнь в свои годы благодаря военным заслугам уже достиг третьего ранга — для гражданского чиновника такое и представить было невозможно.

— С такими устремлениями у вас, брат Дуань, великое будущее! — с улыбкой поддразнил его Гу Хуайцин.

Дуань Минчэнь рассмеялся:

— Брат, вы слишком скромничаете! В твои годы я всё ещё тренировался с наставником. Твои будущие достижения непременно превзойдут мои!

Он говорил правду. Гу Хуайцин, не достигнув двадцати лет, стал вторым человеком в Восточной Ограде — такое было неслыханно. По сравнению с десятилетиями упорной учёбы ради экзаменов, путь евнуха был стремительной дорогой к успеху, правда, и плата за это была исключительно высокой.

Пока они перешучивались, Цзяньцзя вывела их из Зала Июн к пруду.

В ушах прозвенел колокольчик, и ученики потянулись наружу — урок закончился.

Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин уселись на большой камень у пруда. На берегу росло несколько вишен, и их белые мелкие цветы буйно распустились. Ученики, болтая и смеясь, проходили под деревьями, пробираясь сквозь кружащие лепестки. Мягкий весенний ветерок трепал полы белых халатов, чёрные головные повязки развевались на затылках. Молодые, одухотворённые лица, беззаботный смех — под лучами полуденного солнца это выглядело особенно трогательно.

Хотя Дуань Минчэнь никогда не жалел, что променял учёбу на боевые искусства, в этот ясный солнечный день, глядя на веселящихся, беззаботных учеников, в его сердце шевельнулась лёгкая зависть.

А взгляд Гу Хуайцина притянули двое юношей среди учеников. Хотя все были одеты в одинаковые халаты, эти двое выделялись, как журавли среди кур.

Один был высок и строен, с аристократической осанкой. На поясе у него висела пара нефритовых подвесок с изображением безрогих драконов. От природы он обладал глазами-персиковыми цветами, которые, казалось, всегда улыбались, а когда смотрели на человека, создавали иллюзию глубокой привязанности. В его благородной и изящной внешности сквозила лёгкая ветреность. Гу Хуайцин почему-то чувствовал, что лицо этого юноши ему знакомо, но вспомнить, где он его видел, не мог.

Рядом с ним стоял другой юноша, с правильными, красивыми чертами лица. Глаза его были

ясны, как вода, губы алые, зубы белые, черты изящны, а кожа нежнее, чем у девушки, — редкой красоты юноша. Если говорить о внешности, то мало кто мог сравниться с Гу Хуайцином, но красота Гу Хуайцина была ослепительной, как полная луна в ночном небе, и не казалась женственной. А этот красавец имел в себе нечто, стирающее границы между мужским и женским.

Эти двое шли плечом к плечу, очень близко, тихо переговариваясь и смеясь, и в их манерах сквозила особая близость.

Цзяньцзя, заметив, что Гу Хуайцин пристально смотрит на них, тихо пояснила:

— Эти двое — лучшие ученики этого набора. Тот, что повыше, — наследник князя Ань, Сяо Цзюэ. А тот, что рядом с ним, — Ван Цзыюй, выходец из бедной семьи, но очень одарённый и прилежный в учёбе. Несмотря на разницу в положении, они хорошо ладят.

Так это наследник князя Ань! Гу Хуайцин успокоился. Он несколько раз видел в дворце самого князя Ань, и Сяо Цзюэ действительно был на него похож — потому и показался знакомым.

Пока Цзяньцзя рассказывала Гу Хуайцину, Дуань Минчэнь тоже слушал, но думал о другом. Княжество Ань находилось далеко, в области Сучжоу, а князь отправил наследника учиться в такое отдалённое место. Наследник удельного князя, передающего титул по наследству, в будущем унаследует княжеский титул, и ему не нужно сдавать государственные экзамены. Неужели он здесь только ради учёбы? Вряд ли всё так просто.

Пока Дуань Минчэнь размышлял, наследник Сяо Цзюэ и Ван Цзыюй дошли до поворота галереи. В этот момент откуда-то сбоку выскочил ученик, неся в руках стопку книг, и столкнулся с Ван Цзыюем. Тот, не ожидая, пошатнулся и чуть не упал, но Сяо Цзюэ, что был рядом, вовремя поддержал его.

Студент, который налетел, тоже не удержался на ногах, шлёпнулся на землю, и книги с грохотом разлетелись вокруг.

— Это ты, Кун Ханьсун? Как ты ходишь, глаза что, не смотрят? — рассердился Ван Цзыюй.

— Ах, простите, я... я не нарочно... — Ученик по имени Кун Ханьсун поспешно поднялся с земли, весь красный, и без остановки извинялся, но взгляд его украдкой скользнул на Сяо Цзюэ.

Сяо Цзюэ улыбнулся, взял Ван Цзыюя за руку и успокоил:

— Он же не специально, зачем так сердиться? Урок каллиграфии скоро начнётся, пойдём.

Ван Цзыюй нехотя покосился на Кун Ханьсуна, но слова Сяо Цзюэ явно подействовали, и он лишь фыркнул:

— Раз наследник заступает, на этот раз прощаю. В следующий раз смотри под ноги!

Происшествие было мелким, и Ван Цзыюй вообще не пострадал, тогда как Кун Ханьсун шлёпнулся на землю. Похоже, пострадал именно он. Но, судя по всему, он был тихим и мягким по характеру, проглотил обиду и с лёгкой обидой в голосе пробормотал:

— Понял... спасибо...

Ван Цзыюй холодно хмыкнул и ушёл вместе с Сяо Цзюэ плечо к плечу. Кун Ханьсун какое-то время смотрел им вслед, застыв, а потом молча принялся собирать разбросанные книги.

Эта мелкая ссора не испортила настроение Дуань Минчэню и Гу Хуайцину. Цзяньцзя повела их дальше, на северо-восточный угол, к плацу.

Там лежала ровная травяная площадка, а вдаль стояли в ряд мишени для стрельбы. Ученики как раз занимались верховой ездой и стрельбой. Преподаватель — смуглолицый, внушительный и строгий мужчина средних лет — был одет в обтягивающий чёрный воинский костюм. Он сидел на гнедом коне и показывал ученикам, как стрелять с седла.

Цзяньцзя представила:

— Это генерал Цинь Юй. Раньше он командовал авангардом в северо-западной армии, был искусным бойцом. Потом получил тяжёлое ранение и вышел в отставку, а академия пригласила его преподавать верховую езду и стрельбу. Ох, как время летит — неужели учитель Цинь уже три года с нами?

Услышав имя Цинь Юя, Дуань Минчэнь невольно приподнял бровь. Северо-западная армия славилась своей отвагой, а авангард обычно был ударным отрядом, идущим впереди всех в бою. Командир авангарда должен был быть невероятно сильным воином.

Прожив несколько лет на северных рубежах, Дуань Минчэнь не раз слышал о подвигах Цинь Юя. Говорили, он сражался с яростью десяти тысяч воинов. Жаль только, что в одном жестоком бою он получил тяжёлое ранение в плечо и спину, остались последствия, и пришлось уйти в отставку раньше времени. И кто бы мог подумать, что после отставки он окажется в Академии Цзиньцзян учителем.

Цинь Юй, как опытный воин, обладал зорким глазом и чутким слухом и сразу заметил троих гостей на краю плаца.

Цзяньцзя улыбнулась и издали помахала ему рукой. Цинь Юй не подошёл, лишь слегка кивнул, сидя на лошади, и продолжил урок.

Вдруг он сжал бока коня ногами, погнал его вскачь, натянул лук и выпустил три стрелы одну за другой, словно гром среди ясного неба. Все три вонзились в центр мишени в ста шагах. Ученики разразились восторженными криками.

Гу Хуайцин, немного понаблюдав, сказал:

— А генерал-то выглядит крепким и ловким, совсем как будто и не был тяжело ранен.

Цзяньцзя улыбнулась:

— Это потому, что наш учитель нашёл лучших врачей для генерала Цинь, использовала редкие и дорогие лекарства, медленно восстанавливала его. Сейчас он двигается как обычный человек, может ездить верхом и стрелять. Но вот сражаться с врагами на поле боя — уже нет.

— Такие храбрецы редкость, жаль генерала... — с сожалением покачал головой Дуань Минчэнь.

Цзяньцзя, однако, не согласилась:

— Хотя и говорят, что у мужчины должны быть великие устремления, но, по-моему, на войне, где мечи и копья не разбирают правых и виноватых, каждый день может стать последним. А вот так спокойно преподавать — неплохо! К тому же два длинных отпуска в году. Не смотрите, что генерал Цинь молчалив, на самом деле он любит путешествовать — и на Запад, и в Ляодун, и на южные границы — везде побывал. Разве в армии такое возможно?

— Что вы, девушка, правы, — признал Дуань Минчэнь. Для получившего ранение и вышедшего в отставку Цинь Юя такая жизнь и впрямь была неплоха.

Гу Хуайцин сказал:

— Ученикам вашей академии и вправду повезло: учиться литературе у такого великого учёного, как Гуань Синь, и боевым искусствам у такого знаменитого генерала, как Цинь Юй!

<http://bllate.org/book/16283/1467032>